

F 56
2

56
2
ЗАМѢТКИ

ЗА

ГРАНИЦЕЮ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1845.

Его Превосходительству А. С.
Норову на память искренней любви
и уважения.

Лунинский.

22 октября
1854.

ЗАМБКИ

ЗА

ГРАНИЦЕЮ.

О П Е Ч А Т К И.

Стр	Строк.	Напечатано	Читай.
51	11	аз	за
64	7	темя	тѣмя
84	18	вѣчная память	<i>вѣчная память</i>
93	26	знѣ	нзѣ
94	26	воможнымъ	возможнымъ
102	1. 2	въ-ѣхавъ	въѣхавъ
107	25	грошъ—копѣйка	грошъ—три копѣйки
108	27, 28	Зборнокъ—осеннему	Сборное мѣсто въ осеннему
109	20	Полымя—закон ы	Поломя—законы,
149	24	анализу	анализу:
172	19	Ткими	такими
—	22	са	съ
188	20	Wirshaus	Wirthshaus
190	17	ня	и я
206	16	у кото	у кого
208	5	прекратились	прекратилась
276	—	XXXX	XL
290	10	висячіе мосты	висячихъ моста.
307	—	XXXXI	XLI
320	2	Дверью	дверью:
336	—	XXXXII	XLII.
365	10	dell,	dell'

ЗАМѢТКИ

ЗА

ГРАНИЦЕЮ

ВЪ 1840 и 1843 ГОДАХЪ

Ф. П. ЛѢЯНОВСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ГУТЕНБЕРГОВОЙ ТИПОГРАФІИ.

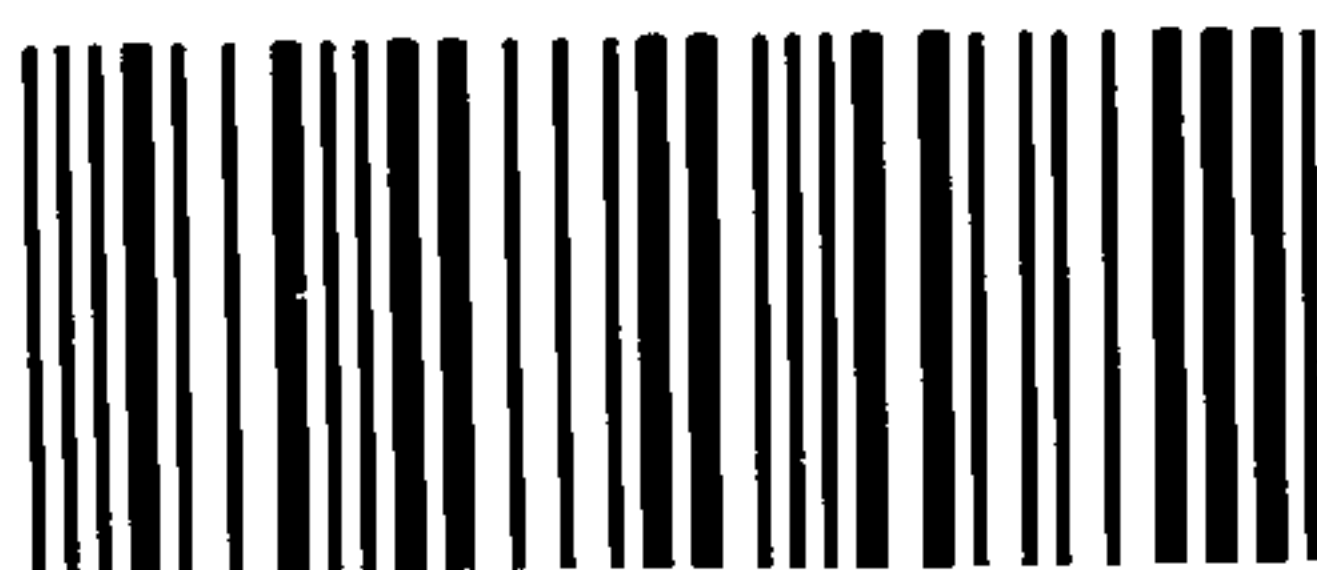
—

1845.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ Генваря 22 дня 1845.

.....

Ценсоръ *А. Никитенко.*

2007080476

I.

На перекоръ благому, не помню въ какомъ журналѣ, совѣту, что пора бы уже перестать говорить о Германіи и ея колокольняхъ, каждый годъ, не успѣвъ весна показаться, изъ всѣхъ четырехъ концовъ и на пароходахъ, и по шоссе, и по желѣзнымъ дорогамъ партія за партією бѣжитъ и плыветъ къ тысячелѣтней старухѣ то за здоровьемъ, то отъ скуки, то изъ любопытства—посмотрѣть, такъ ли она и въ правду, какъ слухъ о томъ носится, послѣ жестокихъ судорогъ, оправилась и даже помолодѣла: народъ, какъ снѣгъ, валить. Какъ же и она рада гостямъ! Всякому дастъ не только покойный,—роскошный пріютъ; приказывай, какъ у себя, требуй, чего хочешь: не всѣмъ и дома такъ хорошо. За то какой приливъ чужихъ денегъ въ Германію съ ранней весны до поздней осени!

Нѣмецъ гордится своею землею, благословеннѣйшею, говоритъ, изъ всѣхъ Европейскихъ земель. Но, не взирая на богатство и на счастливое положеніе этого края по срединѣ Европы, положимъ, что наши низовыя губерніи отправили бы туда отъ себя выборныхъ,—десятокъ, другой стариковъ-лучшихъ людей, посмотрѣть, какова тамъ земля и каково тамъ живетъ народъ Божій?—Вдоль и поперекъ за тридцать царствъ исходивъ Нѣмецкія земли, они воротились бы съ такимъ или близкимъ къ тому отвѣтомъ: что тамъ нѣтъ такой, какая у насъ на Низу, благодати морозовъ, снѣгу и льду, и солнце тамъ въ году долѣе грѣетъ, и времени тамъ больше для полевыхъ работъ, и нѣтъ у насъ на Низу такого многого множества разныхъ огородныхъ и садовыхъ сластей, какія тамъ растутъ по горамъ, по полямъ, по долинамъ, и народъ тамъ завистной, работающій: — что правда, то правда; — да все той землѣ не прокормить насъ.

Въ самомъ дѣлѣ если выключить низменные мѣста по берегамъ и то не всѣхъ и не на всемъ протяженіи рѣкъ, гдѣ почва хорошая и плодородная: то, не говоря уже о Пруссіи, которую самъ Фридрихъ II называлъ песочницею священной Римской Имперіи, нигдѣ въ Нѣмецкихъ земляхъ не завидишь такого чернозему, какой у насъ въ низовыхъ, южныхъ, частью и западныхъ губерніяхъ. Съ бѣлаго,

желтаго тамъ переходишь на красный песокъ, съ бѣлой и красной глины на желтую; въ иныхъ мѣстахъ поля, словно на смѣхъ, камнемъ засѣяны; а пойдешь въ горы: — одна другой круче, выше и каменистѣе.

Тяжелый трудъ натура завѣщала Нѣмцу въ удѣлъ, и, — надобно отдать ему справедливость, — онъ оправдалъ ея ожиданія. Врагъ *какъ-нибудь*ства, онъ по пальцамъ расчелъ, что не будетъ ему проку и отъ поту лица, если онъ прежде всего ласкою не заставитъ землю быть ему исправною за работу плательщицею: — сталъ нѣжить и питать ее, чтобы она взаимно его пропитала. То онъ ищетъ, гдѣ бы неслучайно срѣзать траву, поросшую по краямъ дорогъ и каналовъ; то вырываетъ съ корнями тунцевидныя растѣнія; то вынимаетъ грязь изъ болотнаго мѣста; то взбирается съ небезопаснымъ усиленіемъ на тѣмъ крутой горы — добыть нѣсколько моху. Мохъ, листь съ широколиственныхъ растѣній, опавшій въ лѣсахъ листь, молодые побѣги отъ сосновыхъ и еловыхъ вѣтвей — постель у него для скотины. Свивши изъ соломѣ веревку, онъ дѣлаетъ изъ нея раму, въ которой зачинается и растетъ его куча навозу. Туда онъ слагаетъ все то, что срѣжетъ, сорветъ, налетѣтъ и выкопаетъ, и весь соръ изъ избы и съ улицы, всю пыль и грязь съ шоссе, всю подстилку изъ-подъ скотины и весь тотъ

*

пометь, что, задыхаясь въ бѣгу за лошадьми по дорогамъ, принесутъ въ корзинахъ его дѣти. Чѣмъ выше поднимается передъ его окнами этотъ драгоцѣнный составъ въ подарокъ землѣ; тѣмъ онъ веселѣе. Не успѣетъ дождь перестать, какъ онъ уже съ вилами въ рукахъ вороchaftъ и мѣшаетъ со дна эту кучу; наступитъ зной,—прикрываетъ ее соломой или сосновыми вѣтвями; бережетъ годъ, другой это сокровище, дастъ ему время перегнить, перегорѣть; ничего не выброситъ, кружки воды не выплеснетъ въ другое мѣсто. Подумасшь, что этотъ запасъ никогда не выходитъ у него изъ памяти,—его надежда-кормилецъ, и никогда онъ не употребитъ его на удачу или не во-время; прежде, чѣмъ вывозить его на поле, выкопаетъ, смотря по надобности, яму въ углу своей нивы и вынувъ изъ глубины глину ли, песокъ ли, сперва освѣжитъ свой загонъ этимъ новымъ слоемъ; потомъ поднявъ его плугомъ и поровнявъ бороною, тогда уже кладетъ навозъ и пашетъ. Покажется ему, что не довольно одного слоя навоза: мечетъ другой и тропить землю. Не повѣришь, чтобы она не была сквозъ грохотъ пропущена. Ужъ онъ подлинно ухаживаетъ за нею прежде, чѣмъ ввѣритъ ей сѣмена. Выходы показались; замѣтитъ, что не веселы:—золой или известью посыпаетъ ихъ, лишь только выйдутъ изъ краски. Не перескажешь всего труда и терпѣнія, съ какими Нѣмецъ воздѣлываетъ зем-

лю не только на ровныхъ мѣстахъ и въ долинахъ, но и на высотахъ, крутыхъ до того, что тамъ уже ни лошадь, ни волъ не могутъ быть ему помощниками, а самъ онъ долженъ, надѣвъ складныя подковы на ноги, копать заступомъ землю, нерѣдко почти подъ облаками, и потомъ таскать туда навозъ, согнувшись дугою подъ ношей.

И взойди, въ какомъ хочешь царствѣ, на какую угодно тебѣ гору; смотри въ зрительную трубку до тѣхъ мѣстъ, пока небо не сойдется съ землею: въ залежахъ полосы земли не замѣтишь. Но больше ли отъ того богатства и довольства въ народѣ? Устанешь считать города и селенія, а когда вспомнишь, что въ Нѣмецкихъ земляхъ каждая квадратная верста, около 105 десятинъ, вмѣстѣ удобной, неудобной земли, подъ лѣсомъ и подъ усадьбами, должна прокормить всякой годъ уже и теперь 100—150 душъ, а сколько ихъ со временемъ еще будетъ на той же верстѣ, Богъ вѣсть: то призадумаясь и скажешь: какъ же долженъ благодарить Бога тотъ народъ, которому, расплодись онъ и въ четверо, все еще будетъ, гдѣ размѣститься,—нужды нѣтъ, что ближе къ востоку и сѣверу, чѣмъ къ югу и западу; да на югъ и у него,—придетъ время—будетъ своя Гесперія.

У Нѣмца такой норовъ: не можетъ жить безъ работы. Толичка его совсѣмъ отдѣлана, только бы сѣять. Посмотришь: съ головы начинается, отъ нечего дѣлать опять терзаетъ ее сохой или плугомъ. Будь у него больше земли; не сталъ бы онъ такъ играть трудомъ и временемъ.

Города тамъ безъ выгоновъ, селенія безъ выпусковъ: нѣтъ земли на эту потребу. За то нужда научила Нѣмца обходиться безъ выгоновъ и выпусковъ:—совсѣмъ не нужны; расчету нѣтъ пускать скотину на луга и поля по уборкѣ сѣна и хлѣба, или осенью на озими; съ травой, де, корни вырываетъ, а казалось бы ему отъ того и бѣда небольшая, когда у него, не успѣетъ убрать рожь или овесъ, только что ухо не слышитъ, какъ тамъ же растутъ кормовыя травы. Рогатый скотъ и лошади у него вѣчные невольники, въ ясляхъ на привязи; корму, сколько хотятъ, а промяться и подышать свѣжимъ воздухомъ могутъ и тогда, когда въ работѣ. Перестаютъ уже во многихъ мѣстахъ выгонять на пастбища и тонкорунныхъ овецъ; держать и кормятъ ихъ лѣтомъ въ загонахъ, зимою въ крытыхъ сараяхъ. Шерсть, говорятъ, отъ того лучше: бѣда, если; особенно на барана, упадетъ капля дождя.

Нѣмецъ сверхъ того страхъ какъ расчетливъ: содержитъ въ загонахъ или подъ крышею скотъ кру-

пный и мелкій, онъ напередъ знаетъ, сколько у него будетъ и какаго навоза, безъ котораго земля не дастъ ему ни хлѣба, ни сѣна, пожалуй поливай онъ ее не только потомъ, но и слезами. Какъ же и земля благодарна! Пройдите отъ сѣвернаго моря до рейнскаго водопада по песку, по глинѣ, по горамъ, по ущельямъ, по долинамъ: вездѣ увидите тучныя, богатые жатвы.

Никому впрочемъ не лѣзя жаловаться на домо-строительство природы. Кому она дала меньше теплаго времени, у того за то меньше труда съ такою землею, которая не смѣетъ выйти въ отставку изъ службы православнымъ, не смотря на то, что они въ иномъ мѣстѣ отъ сложенія міра не подарили еще ей въ подмогу горсти навоза, а взрывъ ее и по гребню глыбъ подернувъ слегка бороною, съ трекратнымъ крестнымъ знаменіемъ благодарятъ Создателя, если успѣютъ запрятать сѣмена подъ груды и глыбы къ третьему Спасу.

Въ мѣстахъ, гдѣ почва песчаная, глинистая, гдѣ безъ навозу ничего не родится, земля и у насъ изстари обрабатывается весьма прилѣжно; но гдѣ жирный черноземъ, тамъ еще на нашей памяти не въ одномъ мѣстѣ все дѣлалось по любимому правилу—на скорую руку. Благодаря голодному году, нынче уже и тамъ любо смотрѣть на обработку полей; вводится по-

стоянное лѣтъ на 10, на 20 пользованіе на каждое тягло однимъ и тѣмъ же закономъ безъ передѣлу; старики заговорили, что и въ правду хлѣбъ по назъму лучше родится; по мѣстамъ просыпается даже соревнованіе въ обработкѣ земли; Нѣмцу, Швейцарцу на нашихъ поляхъ нечему еще позавидовать похвалить уже есть что.

Будь на нашемъ черноземѣ больше народа, больше посадовъ, городовъ, потребителей; сократись тамъ пространства не земледѣльческими, а торговыми, промышленными городами, не большими, а частыми; приди туда удобства и хотя нѣкоторыя изъ необходимыхъ уже въ нашъ вѣкъ пріятностей жизни: выгода и удовольствіе откроютъ всѣмъ глаза, капиталы выйдутъ изъ заключенія, пути сообщеній устроятся, легкій и скорый сбытъ всего крупнаго и мелкаго разбудитъ стараго и молодаго; все закипитъ новою жизнію;—и придетъ, рано ли, поздно ли, это счастливое время.
